

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-40-49

КРИТЕРИИ ВЛИЯНИЯ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19

Гукосьянц О. Ю.*Пятигорский государственный университет**357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обозначить критерии влияния конфликтного взаимодействия на реципиентов при обмене комментариями в период пандемии COVID-19.

Процедура и методы. Проведено анкетирование с целью верификации определённых ранее критериев влияния конфликтного взаимодействия на собеседников в интернет-опосредованной коммуникации. Задача стояла в оценке респондентом каждого фрагмента на предмет наличия в нём конфликта и в необходимости отметить во фрагментах компоненты, являющиеся, по мнению респондентов, конфликтогенными.

Результаты. Выявлены критерии: выбор агрессором вербальных и невербальных средств, относимых к разряду конфликтогенов; сочетаемость конфликтогенов в речи агрессора; внутренняя восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня; степень вовлечённости реципиента в конфликт.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость представленных критериев определяется необходимостью описания механизма развёртывания коммуникативных конфликтов в электронном тексте, построения алгоритма предупреждения конфликта в конкретных речедейательностных ситуациях.

Ключевые слова: интернет-опосредованная коммуникация, комментарий, коммуникативный конфликт, критерии воздействия, пандемия COVID-19

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагматическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации.

CRITERIA FOR THE IMPACT OF CONFLICT IN INTERNET-MEDIATED COMMUNICATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

O. Gukosyants*Pyatigorsk State University**av. Kalinina 9, Pyatigorsk 357532, Stavropol Territory, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the criteria for the impact of conflict interaction on recipients when exchanging comments during the COVID-19 pandemic.

Methodology. A survey was conducted to verify the previously defined criteria for the influence of conflict interaction on interlocutors in Internet-mediated communication. The respondents' task was to assess each fragment for the presence of a conflict in it and to mark in these fragments components which they considered as conflictogenic.

Results. The following criteria have been identified: the aggressor's choice of verbal and non-verbal means belonging to the category of conflictogens; combinability of conflictogens in the aggressor's

speech; intrinsic susceptibility of the recipient to conflictogenes of various levels; the degree of recipient's involvement in the conflict.

Research implications. The theoretical significance of the presented criteria is determined by the need to describe the mechanism for deploying communicative conflicts in electronic text, to build an algorithm for preventing conflict in specific speech situations.

Keywords: Internet-mediated communication, comment, communicative conflict, impact criteria, pandemic COVID-19

Acknowledgments: This research was supported by the grant from the President of the Russian Federation MK-1675.2022.2 (A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions).

Введение

Виртуальная среда, предоставляя значительные возможности для оперативного обмена данными, поддержания дистанционного общения, таит в себе угрозу реализации корыстных целей в отношении пользователей. Намеренная апелляция к чувственной сфере человека, агрессия, провоцирование конфликта служат целью дестабилизировать отношения участников коммуникации. Возможность верно оценить коммуникативную ситуацию, организовать собственную коммуникативную деятельность сообразно ситуации общения, предотвратить развитие конфликта обеспечивается благодаря распознаванию коммуникантами речедетельностных закономерностей, языковых средств и речевых приёмов реализации конфликтного взаимодействия.

Настоящая работа, являющаяся продолжением серии работ, посвящённых конфликтной коммуникации в интернет-пространстве в период пандемии COVID-19 (рассматривается период с января 2020 г. по декабрь 2022 г.), направлена на уточнение критериев влияния конфликтного взаимодействия как особого деструктивного речевого поведения на реципиента. Описанные ниже критерии верифицированы в ходе проведения независимого анкетирования, участие в котором приняли 115 респондентов (22% мужчин и 78% женщин) в возрасте от 20 лет до 35 лет, имеющие неоконченное высшее образование либо высшее образование по гуманитарным и техническим направлениям.

Для корректности дальнейшего поведения уточним понимание нами конфликта, конфликтогена, конфликтного текста и конфликтогенного текста.

При осуществлении варианта взаимодействия, которым является конфликт, как поясняет А. В. Курьянович, «происходит одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнёров в понимании или оценке ситуации и возникновение антипатии друг к другу» [6, с. 108].

Понимание речевого конфликта как воплощения «противостояния коммуникантов в коммуникативном событии, обусловленном психическими, социальными и этическими факторами, экстраполяция которых происходит в речевой ткани диалога», отражено в работе В. С. Третьяковой [9, с. 6].

Н. А. Белоус трактует конфликт как парный поведенческий акт, специфическое взаимодействие – конфронтацию – одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнёров в понимании или оценке ситуаций, и возникновение их антипатии друг другу [1, с. 31].

Сообразно предложенным интерпретациям конфликт понимается нами как противостояние коммуникантов, их конфронтационное коммуникативное взаимодействие.

«Раздражителем», провоцирующим создание конфликтной речевой ситуации», согласно А. В. Курьянович, выступает конфликтотген [6].

О. П. Семенец предлагает следующее определение понятия «лингвистические конфликтогены» – «языковые средства, которые создают конфликтную ситуацию и переводят её в стадию вербализованного противостояния» [8, с. 17]. Учёный уточняет, что «лингвистическими конфликтогенами могут стать только языковые средства, порождающие речевой конфликт» [8, с. 20].

Дополним, что в случае протекания коммуникативной ситуации в интернет-среде в качестве конфликтогенов могут выступать как вербальные, так и невербальные средства, используемые авторами текстов с целью провоцирования и развития конфликтной ситуации.

Вербальные и невербальные средства конфликтного взаимодействия в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 были исчислены в процессе экспертной оценки значительного объёма материала, представляющего собой более 3000 веток комментариев к блогам, опубликованным в Живом Журнале в обозначенный временной период (январь 2020 г. – декабрь 2022 г.). Полученные результаты нашли отражение в работах автора (см., в частности: [3; 5]).

В рамках проводимого исследования разграничиваем также понятия «конфликтный текст» и «конфликтогенный текст».

Конфликтный текст представляет собой «текст, реализующий социально-психологическую ситуацию конфликта, т. е. ситуацию столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия» [10, с. 30].

Рассуждая о соотношении понятий «конфликтный текст» и «конфликтогенный текст», Н. А. Белоус, Н. В. Осколкова отмечают, что «конфликтный текст является более широким понятием, т. к. он может обозначать тексты, созданные как до начала конфликта и спровоцировавшие его, так и тексты, продуцируемые на всём протяжении конфликтной ситуации и даже вне её (потенциальный конфликт)» [2, с. 103]. В таком случае, как справедливо указы-

вает Г. С. Макаренко, «конфликтогенный текст» – более узкое понятие, которое подразумевает текст, соответствующий ряду условий: 1) как правило, такой текст распространяется посредством СМИ; 2) провоцирует коммуникативное столкновение говорящих, формирующее противоречие разной степени интенсивности; 3) может иметь правовые последствия» [7, с. 140].

Понимая конфликтогенный текст как текст, провоцирующий развитие конфликта, а конфликтный текст как текст, фиксирующий активное конфликтное взаимодействие, укажем, что материал, предлагаемый респондентам в ходе анкетирования, представлял собой конфликтогенные комментарии и фрагменты конфликтной коммуникации.

Целеустановки провоцирования конфликта и критерии влияния конфликтного взаимодействия на реципиента в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 (экспертная оценка и результаты анкетирования)

Анализ материала исследования, которым выступили комментарии к постам в Живом Журнале, появившиеся в период пандемии COVID-19 (рассматривается период с января 2020 г. по декабрь 2022 г.), позволил сделать заключение о наличии двух базовых интенций, наблюдаемых в поведении коммуниканта-агрессора – 1) собственно агрессия, направленная на дискредитацию оппонента, сознательное разрушение коммуникации, и 2) манипуляция, заключающаяся в скрытом воздействии на сознание пользователей посредством обоснования продвигаемой позиции или возбуждения коллективной ненависти с целью создания собственной «группы поддержки» [4, с. 180].

Воплощение указанных интенций в соответствующих коммуникативных стратегиях и тактиках обеспечивалось благодаря специфической системе средств, характерных для дистантного опосредованного

общения, организованных в конструкции и объединённых целеустановками. К основным целеустановкам провоцирования конфликтного взаимодействия, наблюдаемого в онлайн-коммуникации периода пандемии COVID-19, можно отнести конфликт как возможность выплеснуть негативные эмоции (конфликт ради самого конфликта), собственное самоопределение агрессора, осмысление и переосмысление происходящего, формирование имиджа какого-либо лица / объекта, мотивация к совершению какого-либо действия.

Достижение указанных целей ограничивалось теми условиями, в рамках которых разворачивалась ситуация общения, а именно особенностями, предоставляемыми интернетом как средой осуществления конфликтной коммуникации и характеристиками электронного текста, и обеспечивалось вербальными и невербальными средствами коммуникации, выступающими в качестве актуализаторов конфликтного взаимодействия и описанными в работах [3; 5].

Наблюдение над особенностями разворачивающейся конфликтной коммуникации в комментариях к постам в Живом Журнале в период пандемии COVID-19, прослеживание реакции коммуникантов на провоцирующие конфликт высказывания позволили выделить признаки, опираясь на которые можно сделать заключение о возможности и степени влияния, оказываемого на реципиентов в процессе конфликтного взаимодействия. Исходя из того, что «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо»¹ именуется критерием, далее будем говорить о критериях влияния конфликтного взаимодействия как особого деструктивного речевого поведения на реципиента.

Проведённый лингвистический анализ конфликтной коммуникации периода пандемии COVID-19 позволил предположить, что к критериям влияния конфликтного

речевого поведения на собеседника можно отнести: выбор агрессором вербальных и невербальных средств, относимых к разряду конфликтогенов, сочетаемость конфликтогенов в речи агрессора, внутреннюю восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня. В ходе анкетирования к отмеченным трём критериям, подтверждённым в ходе опроса, добавился ещё один – степень вовлечённости реципиента в конфликт.

Первые два критерия обусловлены материалом исследования – комментариями к постам в Живом Журнале периода пандемии COVID-19, созданными авторами – пользователями данной платформы. Выбор автором определённых средств для осуществления конфликтной коммуникации обусловлен целеустановками, отмеченными выше. Результаты экспертной оценки материала исследования на предмет исчисления наблюдаемых в нём вербальных и невербальных средств, проявляющих конфликтогенность эксплицитно и имплицитно, представлены в работах [3; 5]. Отмечено, что предпочтительные в отношении анализируемого материала маркёры конфликтного взаимодействия (вербальные и невербальные средства выражения речевой агрессии, служащие реализаторами стратегий и тактик конфликтного речевого поведения) относились к областям лексики, синтаксиса, стилистики, семантики, а также были представлены фонетико-графическими средствами и иконическими компонентами [3]. Исследование также выявило средства, не являющиеся собственно маркёрами конфликтного речевого поведения, но выступающие в качестве усилителей, акцентуаторов конфликтного взаимодействия (противительные союзы, гиперболизация, фонетический каламбур, неопределённые местоимения, двойное отрицание, наречия-интенсификаторы, усилительно-выделительные частицы), и активно используемые виртуальными пользователями для провоцирования конфликта.

Предложенное в ходе проводимого опроса респондентов задание, заключа-

¹ Критерий // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1986. С. 130.

яющееся в просьбе оценить предлагаемые фрагменты обмена комментариями в количестве 20 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из веток комментариев, оставляемых пользователями после блогов, на предмет наличия в них конфликта (в ходе предварительной экспертной оценки данные фрагменты признаны конфликтными, а начальные сообщения-провокаторы – конфликтногенными), дало весьма противоречивый результат.

42% предлагаемых фрагментов восприняты респондентами как высоко конфликтные (каждый контекст был оценён как конфликтный в 75% – 87% данных ответов).

К данным фрагментам опрашиваемыми были, в частности, отнесены следующие.

(1) – *Пока что вы демонстрируете неспособность мыслить. Но это не потому что вы робот, а потому что вы тупой.*

– *Тупо вы вставили свои три копейки. Характерно для плебея в попытке унижить, и это уровень вашего мышления.*

– *Ой какой «патриций», какое «небыдло» попалось. Несете чушь, еще упорствуете в ней, но продолжаете ощущать себя охр*нительно крутым.*

– *вы от зеркала-то отойдите¹.*

(2) – *Тебе виднее.*

– *Конешно виднее. Ты-то тупой:)*

– *Потому, что ты так решил? Не, обс*канец, мне на твоё мнение плювать.*



– *Инфузория пытается шутить. Выходит неуклюже.*

– *Не кукарекай, макака.*

– *Одноклеточный микроорганизм пытается понять устройство сложноорганизованного. Садись, «два», урок не усвоен.*

– *Иди иди*

– *Мне нравится тебя чм*рить, амёбушка².*

Опрос респондентов на предмет обоснования причин восприятия предлагаемых текстов, в том числе и фрагментов, продемонстрированных в примере (1) и примере (2) в качестве конфликтных, позволил определить вербальные и невербальные средства, воспринимаемые в качестве конфликтогенов. В частности, в примере (1) к конфликтогенам были отнесены: лексема с негативной коннотацией, характеризующая умственное развитие человека – *тупой*, лексемы, содержащие экспрессивную негативную оценку социальной принадлежности, приписывание лицу нетактичного поведения – *плебей*, «*патриций*», «*небыдло*» (последние лексемы, взятые в кавычки автором комментария, привлекают внимание респондентов, указывают на передачу иронии, переносного значения, отрицательной оценки адресата³). В качестве актуализаторов конфликтного взаимодействия респондентами в примере (1) также отмечены выражение *вставить три копейки* (является трансформацией выражения «вставить пять копеек» с наличествующей окказиональной заменой числительного и воспринимается опрашиваемыми по аналогии с исходным выражением, а именно как шутливо-ироничное⁴, фразеологизм *нести чушь* (имеет пометы «прост.» (просторечное) и «презр.» (презрительное) во Фразеологическом словаре русского литературного языка⁵).

² Праздник непослушания в Канаде // LiveJournal: [сайт]. URL: https://dralexandra.livejournal.com/585430.html?utm_source=popular (дата обращения: 02.02.2022), комментарии от 31.01.2022 – 01.02.2022.

³ О функции кавычек для передачи иронии см.: Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с. (§§ 150–153).

⁴ Копейка // Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007. С. 311.

⁵ Нести чушь. Понести чушь // Фёдоров А. И.

¹ Гипотеза: Омикрон мог передаться людям от грызунов // LiveJournal: [сайт]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/198072.html?media&utm_source=recommended (дата обращения: 21.01.2022), комментарии от 24.12.2021 – 27.12.2021.

Рассматривая пример (2), респонденты единогласно в качестве актуализаторов конфликта маркируют лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку его здоровья – *тупой, обс*канец, зоосемантические метафоры инфузория, макака, одноклеточный микроорганизм, амёбушка*, глаголы с отрицательной коннотацией – *чм*рить, не кукарекай* (также является императивом), эрративы (отмечены в качестве конфликтного 11% респондентов) – *конечно, плювать*.

36% предлагаемых респондентам фрагментов восприняты ими как ситуации среднего уровня конфликтности (каждый из предлагаемых контекстов был оценен как конфликтный в 54%–68% полученных ответов).

К ситуациям среднего уровня конфликтности респонденты отнесли, в частности, пример (3).

(3) – *Я как раз сегодня задумался о современном положении в отношении ковида. Учет умерших ОТ ковида ведется как раньше — или теперь подтверждается, что смерть наступила именно от ковида? Векторный вакцины реально угрожают возникновением синдрома Чубайса?*

Conclusions: These findings suggest both the absence of safety concern for GBS with mRNA-based COVID-19 vaccines and an **increased risk with adenovirus-vectored** COVID-19 vaccines. Back to top.

- *Дайте источник сего текста.*
- *Казалось бы, все данные приведены. Но это только так кажется, да?*
- *Укажите откуда этот неавторитетный источник.*
- *Не хочу бесплатно делать то, что хотят от меня другие. Можете не читать этот неавторитетный источник. Можете и опровергнуть. Можете начать обсуждать мою личность. С — Свобода!¹*

Немногим более половины опрашиваемых (58%) отнесли пример (3) к числу конфликтных. В качестве актуализаторов конфликта респонденты указали следующие: императивные конструкции (*дайте, укажите*), оценочное прилагательное с отрицательной коннотацией – *неавторитетный*, наличие анафоры и параллельных конструкций.

22% предлагаемых фрагментов восприняты респондентами как ситуации низкого уровня конфликтности (каждый из предлагаемых контекстов был оценен как конфликтный в 9%–30% полученных ответов).

Среди них опрашиваемые обозначили фрагмент, представленный в примере (4).

(4) – *Как же все они надоели. Уже бы отстали б от всех, дали бы жить спокойно. – Неехай в Италию, и будет тебе счастье.* 🙄

P.S.

– *Смешно 😂 приехать в чужую страну со своим уставом и еще критиковать ее.*

– *Так если б только там была б хр*нь эта.*

– *А тебя никто туда не зовет, их страна их правила, а ты кто такой? Как они тебе надоели? Не суй свое рыло в чужом если не уважаешь чужие правила. Точка.*

– *Да это мировая хр*нь. Мне и дома это надоело².*

Пример (4) оценен как конфликтный лишь 12% опрашиваемых. Отмечая актуализаторы конфликта, респонденты называют сослагательное наклонение, эрратив (*неехай*), императивная конструкция, содержащая просторечное, бранное *рыло* (имеет пометы «прост.» (просторечное) и «бран.» (бранное) в «Толковом словаре» С. И. Ожегова³), смайлы, множественные вопросы.

Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. С. 407.

¹ Краткая информация по коронавирусу (Август 2022) // LiveJournal: [сайт]. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/203463.html> (дата обращения: 02.10.2022), комментарии от 18.08.2022.

² Коронабесие в Италии, репортаж из Рима и Неаполя // LiveJournal: [сайт]. URL: https://puerrtto.livejournal.com/1159558.html?utm_source=popular (дата обращения: 09.02.2022), комментарии от 24.12.2021.

³ Рыло // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2006. С. 689.

Отметим, что наличие императивной конструкции как актуализатора конфликта в примере (4) и императивных конструкций в примере (3) и в примере (2), также отмеченных в качестве актуализаторов конфликта, не обеспечивает равную оценку данных фрагментов на предмет конфликтности респондентами. Исходя из аналогичных наблюдений, понимая комплексное восприятие текста респондентами, различное оценивание респондентами языковых средств как актуализаторов конфликтного взаимодействия, делаем вывод о факторе сочетаемости конфликтогенов в речи агрессора как о критерии влияния конфликтного речевого поведения на собеседника.

Считаем важным указать на тот факт, что ни один из фрагментов не был оценён как конфликтный у 100% опрошиваемых. При этом ни один из фрагментов не получил оценку «не конфликтный» в 100% случаев.

Результаты опроса подтверждались и материалом исследования. В анализируемых диалогах собеседник, попадая под воздействие коммуниканта-агрессора, мог воспринять / не воспринять угрозы в разворачивающемся конфликте, проявить / не проявить эмпатию, согласиться / не согласиться с позицией провокатора, совершить / не совершить требуемое действие, участвовать / не участвовать в развитии конфликтной ситуации, что свидетельствует о недостижении авторской интенции в ряде случаев.

Полученные данные свидетельствуют о значимости третьего критерия (внутренняя восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня) для понимания возможности и степени влияния конфликтного взаимодействия на реципиентов.

Так, в частности, фрагмент, представленный в примере (5) расценён в качестве конфликтного 10% респондентов.

(5) – Я так понимаю, Вы себя причисляете с **пиплам**, которые **сайенс**? Я так, рядышком. «Не волшебник, только учусь».

– Интересно, это ещё более **жирный образчик зелёной фауны** приполз или натурально некто сок своего мозга давит с горних высей? Искренне надеюсь, что первый вариант.

– Выше не вы разве упоминали что сарказм не ваша стезя? Разве не вашим было утверждение «в моих словах ни грамма сарказма»?

– Так и есть. И если Вы где-то сарказм умудрились увидеть.. ну, мои соболезнования: **по себе людёв не судят**.

– Ясно, **сайенс пипл** оказался просто **неграмотным**, в обиходе – **пещерным пиплом**. Впрочем, я мог сразу догадаться по картинкам ранее... И реальность у него **пещерная** же – перефразируя проф Преображенского «не смотрите ТВ перед обедом». **Займитесь** чем-нибудь, действительно полезным, – творчество сделало из обезьяны человека. И Вы сможете попытаться!¹

Опрошываемые, посчитавшие данный фрагмент конфликтным, обосновывают свою позицию наличием в примере англоязычных вкраплений (**сайенс, пипл**), зоосемантической метафоры (**жирный образчик зелёной фауны**), эрратива (**людёв**), императива (**займитесь**). Однако только 10% из числа опрошиваемых, рассматривая данный фрагмент, посчитали его примером конфликтного взаимодействия. Для 90% респондентов предложенный фрагмент, а значит, и составляющие его компоненты и их сочетание не были идентифицированы как конфликтные.

Выполнение респондентами задания, заключающегося в необходимости отметить в предлагаемых фрагментах компоненты, являющиеся по мнению респондентов конфликтогенными, и последующая обработка полученных результатов позволили вывести четвёртый критерий влияния конфликтного речевого поведения на собеседника – степень вовлечённости реципиента в конфликт.

¹ Я привился ГМО вакциной от коронавируса // LiveJournal: [сайт]. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html> (дата обращения: 14.01.2022), комментарии от 29.12.2020.

Вовлечённость в конфликт, понимаемая нами как сопричастность, включение, приобщение¹ к транслируемым агрессором конфликтогенам, реализуется, исходя из ответов респондентов, в случае наличия конкретной референции, которая относит данные конфликтогены и приписывает конкретные оскорбительные номинации непосредственно получателю сообщения. 22% участников анкетирования пояснили, что в случае отсутствия конкретной референции вербальные и невербальные средства выражения речевой агрессии, исчисленные в процессе экспертной оценки, не воспринимаются адресатом как маркёры конфликтного взаимодействия.

Обратимся к фрагменту, представленному в примере (6).

(6) – *Да ты как бы почитай что такое Испанка и будешь сильно удивлен совпадениями. К слову у меня Университетское биологическое , ток что могу о некоторых вещах иметь представление..*

– *У одного моего знакомого было университетское математическое образование. Но математик из него был как из бегемота балерина*

– *Ждал такой дебильной реакции, поэтому ответу всем жертвам ЕГЭ сразу, вирусы были открыты в 1892 году, но их структуру поняли только к 1930 году, а геномы стали различать вааще в 1955 году... При этом не откажу себе в удовольствии напомнить что этот вирус испанки за который ты топишь как вирус из группы гриппа не сохранился. – он ушел в историю не оставив после себя ничего. И шо будешь возражать?*

– *Возражать?:) С, деликатно выражаясь, «отрицающим основы» не спорили еще древние греки: дескать, он опустит тебя на свой уровень, а там задавит опытом...*

То что кому-то дали высшее образование, это ещё не значит, что он его взял!;))

Ну и: явным признаком дурака является то, что он в качестве аргументов использует не свои знания и научные факты, а

лишь ссылается на якобы полученное образование².

Рассматривая пример (6) на предмет наличия в нём конфликтного взаимодействия и некоторых конфликтогенных маркёров, опрашиваемые высказывали неоднозначные мнения. 42% опрашиваемых, отвечая на вопрос: «Является ли предлагаемый фрагмент конфликтным?» дали ответ: «50/50». 27% респондентов посчитали его конфликтным, 31% респондентов не рассмотрели в данном фрагменте наличия конфликтного взаимодействия. Поясняя своё мнение, респонденты, сомневающиеся в наличии конфликта и посчитавшие данный фрагмент неконфликтным, разъяснили, что наличие пейоратива (дурак), сравнения (математик... как из бегемота балерина), эвфемизма («отрицающим основы»), не обращённых непосредственно к адресату сообщения, не подтверждают приписывание данных номинаций непосредственно получателю сообщения, не могут рассматриваться в качестве личного оскорбления и провокации конфликтного взаимодействия.

Заключение

Изучение материала исследования – комментариев к постам в Живом Журнале периода пандемии COVID-19 – позволило разграничить две базовые интенции, наблюдаемые в поведении коммуниканта-агрессора – собственно агрессию и манипуляцию, а также проследить основные целеустановки провоцирования конфликтного взаимодействия, наблюдаемого в указанный период. К числу наблюдаемых целеустановок относим: конфликт как возможность выплеснуть негативные эмоции (конфликт ради самого конфликта), собственное самоопределение агрессора, осмысление и переосмысление

¹ Вовлечённость // Словарь синонимов: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims (дата обращения: 14.01.2022).

² Сенсация! Коронавирус создан искусственно! (Нет) // LiveJournal: [сайт]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/204679.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block (дата обращения: 17.12.2022), комментарии от 24.10.2022-25.10.2022

происходящего, формирование имиджа какого-либо лица / объекта, мотивация к совершению какого-либо действия.

Прослеживание реакции коммуникантов на провоцирующие конфликт высказывания, проведение независимого анкетирования аудитории позволили обозначить критерии влияния конфликтного взаимодействия как особого деструктивного речевого поведения на общественное сознание граждан, к которым были отнесены выбор агрессором вербальных и невербальных средств, относимых к разряду конфликтогенов, сочетаемость

конфликтогенов в речи агрессора, внутренняя восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня, степень вовлечённости реципиента в конфликт. Полагаем, что полученные результаты могут способствовать описанию механизма развёртывания коммуникативных конфликтов в электронном тексте и могут лечь в основу алгоритма предупреждения конфликта в конкретных речевых ситуациях.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 30–36.
2. Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 4. Ч. II. С. 96–107.
3. Гукосьянц О. Ю. Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19 // Медиалингвистика. 2023. № 10 (3). С. 301–318. DOI: 10.21638/spbu22.2023.302.
4. Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А., Хакиева З. У. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 175–196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.
5. Гукосьянц О. Ю., Яхьяева А. А. Лексические средства демонстрации оскорбления в комментариях к постам в Живом Журнале периода пандемии COVID-19 // Вестник ПГУ. 2022. № 3. С. 133–137.
6. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (48). С. 106–112.
7. Макаренко Г. С. О соотношении понятий «конфликтогенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции, Казань, 06–07 декабря 2022 г.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. С. 139–142.
8. Семенец О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 15–32.
9. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
10. Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 30–35.

REFERENCES

1. Belous N. A. [Socio-cultural Aspect of Analysis of Speech Conflict Behaviour]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 62, pp. 30–36.
2. Belous N. A., Oskolkova N. V. [Conflict Discourse vs Conflict Text]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9* [Bulletin of St. Petersburg University], 2007, no. 4, pt. II, pp. 96–107.
3. Gukosyants O. Yu. [Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic]. In: *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2023, no. 10 (3), pp. 301–318. DOI: 10.21638/spbu22.2023.302.

4. Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A., Khakiyeva Z. U. [Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic]. In: *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2022, vol. 11, no. 7, pp. 175–196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.
5. Gukosyants O. Yu., Yakhyaeva A. A. [Lexical Means of Demonstrating Insults in Comments to Posts in the LiveJournal of the COVID-19 Pandemic Period]. In: *Vestnik PGU* [Bulletin of PSU], 2022, no. 3, pp. 133–137.
6. Kur'yanovich A. V. [Invective Speech Genres in the Space of Modern Interpersonal Communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2005, no. 3 (48), pp. 106–112.
7. Makarenko G. S. [On the Relationship between the Concepts of “Conflict-Prone” and “Conflict-Prone” Text within the Framework of the Study of Legal Linguistics]. In: *Nauchnoe nasledie V. A. Bogorodickogo i sovremennyyj vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoj konferencii. T. 1* [Scientific Heritage of V. A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School: Proceedings and Materials of the International Conference, Kazan', 06–07 dekabrya 2022 g. Vol. 1.]. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University Publ., 2018, pp. 139–142.
8. Semenets O. P. [Types of Linguistic Conflict Triggers and Their Role in Speech and Psychological Conflicts]. In: *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum], 2021, no. 3 (15), pp. 15–32.
9. Tretyakova V. S. *Rechevoj konflikt i harmonizaciya obshcheniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Speech Conflict and Harmonization of Communication: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 36 p.
10. Tubalova I. V., Emer Yu. A. [Conflict Text in Oral and Virtual Everyday Communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, no. 377, pp. 30–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гукосьянц Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия; научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии» Пятигорского государственного университета;
e-mail: gukosjants@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Yu. Gukosyants – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., West-European Languages and Cultures Department, Institute of Translation Studies, Russian Studies, and Multilingualism; Researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguocognitive Technologies, Pyatigorsk State University;
e-mail: gukosjants@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гукосьянц О. Ю. Критерии влияния конфликтного взаимодействия в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 40–49.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-40-49

FOR CITATION

Gukosyants O. Yu. Criteria for the Impact of Conflict in Internet-Mediated Communication During the COVID-19 Pandemic. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 40–49.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-40-49